Григорий Федорец

Дипкурьер Екатерины Великой

Григорий Федорец

Дипкурьер Екатерины Великой

«Автор»
2026

Федорец Г. Г.

Дипкурьер Екатерины Великой / Г. Г. Федорец — «Автор», 2026

18 век. Российская империя путем войн, дипломатии получила Новороссию. Растущее могущество России пугает Европу. Возникают союзы, рушатся и появляются новые государства, заключаются торговые договоры, планируются войны. Своевременно знать планы «добрых соседей» важнейшая задача русийской разведки. Интриги, погони, дуэли, роковые красотки, подкуп - всё идёт вход. Авансцена: улицы Варшавы, дворцы Парижа, притоны Лондона. Лейб-гвардеец Измайловского полка Евграф Комаровский, будущий граф, генерал и прародитель войск Росгвардии в самой гуще событий.

© Федорец Г. Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Григорий Федорец
Дипкурьер Екатерины Великой

Глава 1

Светлой памяти Евграфа Комаровского, русского генерала, прародителя войск национальной гвардии России.

Дверные петли пискнули вразнобой, словно пьяный мадьяр дёрнул смычком по струнам старой скрипки. Вслед за распахнувшейся дверью на широкое крыльцо корчмы вывалился жёлтый прямоугольник света. Комаровскому после амбре питейного заведения ночной воздух улицы показался едва ли не горным. Он, перешагнув широкий порог, стоял, покачиваясь на крыльце, давая глазам привыкнуть.

- Пиво какое-то... странное, - пробормотал Евграф и потёр пальцами виски в надежде разогнать тяжесть. - Хлебным вином разбавляют, нехристи.

- Пану помуц? - раздался за спиной голос хозяина шинки.

- Не. До видзэня, - Комаровский чувствовал, как тошнота поднимается к горлу.

- Пан, повонхай, - перед глазами возникла рука с открытой склянкой. Евграф не успел и моргнуть, как в нос ударил запах нашатыря. Он невольно отдёрнул голову.

- Добра, добра, пан! - забубнил тот же голос. - Тэраз бёрдзэ лепьех.

- Гадость редкостная! - Комаровский поморщился. - Но помогает. Дзенькуе.

Пересохшие губы роняли жестяной шелест звуков вместо раздельных слов, да и ноги, честно сказать, в пляс не шли. Мысли плавали, будто опавший лист в луже. Сзади хлопнула дверь, и стало абсолютно темно. Он сомкнул веки, пытаясь быстрее привыкнуть к мраку. Помогло: едва освободил взор, смог различать предметы: вон абрис ступеней тонкой линией, справа серые поручни крыльца, впереди жёлтое пятно окон poczty. Так в Польше называют почтовую станцию, где ждала коляска, лошади, ночлег. Туда-то Евграф и направился.

Первый шорох он принял за шуршание прошлогодней листвы после того, как вечерний сквозняк проскочит уставшим переулком. Не останавливаясь, лейб-гвардеец бросил взгляд за левое плечо. Рука сама легла на рукоять егерского кортика, скрытого полой кафтана. Каблуки башмаков глухо стучали по доскам тротуара, а размытое пятно окон приобрело правильные формы. Комаровский затылком чувствовал чужой взгляд.

- Ну, господин сержант, не дай напасть с двух сторон, - прошептал он, различив, что у кромки тротуара темнота много плотнее. - Footpads!

Выхватил кортик из ножен и, держа перед собой клинок в поларшина длиной, прибавил шаг. Сердце бросилось в мазурку, пальцы крепко вцепились в рукоять кортика:

- Attack!

Удар между лопаток мощный и резкий сшиб сержанта на тротуар. Падая, он выронил кинжал, и тот отлетел в сторону. Занятия гимнастикой не прошли даром: падение на руки, тут же перекат в сторону. Вовремя! Массивная фигура чёртом выскочила из мрака.

- Хрясь! - здоровенная дубина наподобие былинной палицы проломила доски тротуара в том месте, где только что была голова Евграфа.

- Пся крев! - яростно взревел здоровяк, выдёргивая из настила грозное оружие.

Яркая вспышка, грохот пистолетного выстрела, протяжный вопль. Не мешкая и секунды, Комаровский вскочил на ноги. В двух шагах, не выпустив дубины из рук, заваливался нападавший.

- Sir, are you okay? - раздался из темноты мужской голос на английском.

- Thank you, Im fine, - Евграф пытался разглядеть говорящего. Тщетно.

- Sir, good luck! - звуки шагов явно удалялись.

- Таинственный спаситель! - вздохнул Комаровский и принялся искать кортик. Несостоявшийся грабитель уже перестал сучить ногами.

Двенадцать дней тому назад.

Мартовский ветерок набегал от Днепра волнами: чередуя то тёплую, весеннюю с тонким ароматом цветущей вербы, то стылую зимнюю с прелым запахом крестьянского погреба.

Евграф с высоты брички смотрел на левобережье. Там на сплошном фоне серых без единого листа деревьев проглядывались редкие крыши Василевки. Более десяти лет тому назад генерал Синельников - усердный строитель Екатеринославля - основал сие село. Повозка свернула налево и покатилась по присыпанной дроблёным камнем дороге. По обе стороны во фрунт выстроились деревья, образуя аллею. На ветках уже виднелись первые побеги листвы. Солнце изрядно пригревало, и он, сняв гренадерскую шапку, промокнул платком вспотевший лоб. Распушив чёрный султан, вернул убор на голову.

- Подъезжаем, ваше благородие, - басом известил извозчик, бородатый мужик, сидевший на козлах и одетый в темно-синий «волан» с нахлобученным до бровей «гречневиком».

- Хорошо, любезный, - Комаровский смахнул платком дорожную пыль с темно-зеленого мундира с характерной для «измайловца» красной выпушкой. Оглядев штаны и чулки, повторил манипуляции. Убедившись, что медные пуговицы на чёрных кожаных башмаках должным образом сияют, остался доволен. Приосанившись, ладонью правой руки, одетой в белую перчатку из лайка и украшенную золотой бахромой, он опёрся на головку рукоятки шпаги в ножнах. Вскоре бричка дёрнулась и встала.

- Приехали, ваше благородие, - с явным уважением произнёс возница, полуобернувшись. Расплатившись приготовленной монетой, Евграф, не минуя ступеньку повозки, сошёл на землю. Впереди, в десяти саженях перед закрытыми воротами, стоял парный караул «измайловцев». Гренадеры, вооруженные фузеями и шпагами, пребывали в чуть расслабленных позах. Приклады ружей у правой ноги, по острию примкнутых штыков скользит солнечный луч, шпаги в портупеях, патронные сумки на поясных ремнях. Капрал, до того прогуливающийся по другую сторону ограды, завидев приближающегося Комаровского, направился к калитке. Та по подобию забора напоминала частокол из пик с острыми наконечниками, окрашенными охрой. Унтер-офицер, широко распахнув калитку, вышел за ограду.

Как только до Евграфа осталось с полдесятка саженей, капрал встал по стойке смирно и поклонился в знак приветствия:

- Здравия желаю, господин сержант!

- Здравия желаю! – учтиво ответил Комаровский, замедляя шаг. – Как идёт служба?

- Всё в порядке, ваше благородие, - унтер-офицер посторонился, освобождая путь. – Вызвали по начальству?

- Казённая надобность, - его губы дрогнули, обозначив улыбку. – Спешу.

Безбородко занимал весь левый флигель. Там, кроме самого Александра Андреевича, проживали ещё и два ближайших помощника. Туда-то и направился сержант лейб-гвардии Измайловского полка Евграф Комаровский.

Статс-секретарь, одетый в цивильное, встретил его у крыльца, где любезно беседовал с барышней. Судя по наряду, мадмуазель была не из дворянского сословия. Что, впрочем, если верить сплетням, не являлось препятствием для неженатого чиновника. Не дожидаясь, когда унтер-офицер приблизится, Безбородко быстро попрощался с девицей, и та удалилась в сторону сада.

- Здравия желаю, господин…, - поднеся к виску соединённые указательный и средний пальцы, а остальные прижав к ладони, вытянулся в струнку Комаровский.

- Здравствуй, лейб-гвардеец! – перебил статс-секретарь. – Давненько жду, а недосуг. Пойдём-ка в кабинет!

Комаровский, опираясь лопатками на высокую спинку тяжёлого стула, внимательно выслушал монолог Александра Андреевича. Тот по своему обыкновению при этом бросал короткие взгляды за окно, где проглядывались деревья сада.

В кабинете витал запах духов, помады, крепкого табака. В углу стоял позолоченный шандал инкрустированный уральскими самоцветами. Все шесть свечей дружно горели, загоняя полумрак в противоположный угол. Закрытая табакерка на низком столике, на медной тарелке - турецкая трубка: глиняная головка с простым орнаментом, длинный чубук из жасмина, янтарный мундштук.

- Ну-с, господин унтер-офицер, - после недолгой паузы, во время которой Безбородко о чем-то размышлял, смежив веки.

– Поручение государыни понятно? – Александр Андреевич поморщился, продемонстрировав, что отнюдь он не дремал. - Да, не становитесь во фрунт, не плацу. Это ведь твоё первое курьерство за пределы Отечества?

- Первое, - кивнул Евграф, отказавшись от попытки встать. Огонь в печи не горел, и прохлада, что держалась в кабинете, уже заползла под сорочку, выстроив мурашки рядами. – Будут ли ещё поручения?

- Будут. В Франкфурте-на-Майне найдёте камер-юнкера Николая Петровича Румянцева, - статс-секретарь поднялся со стула, жестом приказав лейб-гвардейцу оставаться на месте. Прошёлся по комнате. Надо заметить, в кабинете присутствовала довольно простая, но добротно изготовленная мебель. Подойдя к комоду из бука, он вытянул верхний ящик. Что-то звучно передвинув, достал шкатулку. По виду тяжелую. Перенес и поставил на стол.

Заинтригованный Комаровский наблюдал за действиями чиновника. Тем временем граф Священной Римской империи из-под нарукавного обшлага кафтана вытянул пальцами ключ. Небольшой и покрытый латунью. Щёлкнул замок шкатулки, едва ключ провернулся.

- Подойдите, Евграф Федотович, - неожиданно в словах графа послышались отеческие нотки. Дождавшись, когда унтер-офицер окажется у стола, чиновник откинул крышку.

- Запоминайте, вот личные послания государыни министрам французского двора: графу Монморен де Сент-Эрем, графу Сегюру, фельдмаршалу де-Кастри, - Александр Андреевич раскладывал на столе словно пасьянс свёрнутые и скреплённые сургучом с именным вензелем императрицы бумаги. – Письма важные, но без тайного содержания. При опасности попадания в чужие руки желательно уничтожить.

- Разумеется, ваше Сиятельство, - «измайловец» внимательно следил за манипуляциями графа.

- А вот это, - Безбородко держал в руке золотисто-розовый цилиндр толщиной в палец и длиной в два вершка. – Хранить, как зеницу ока. Внутри наисекретнейшее письмо нашему министру при французском дворе барону Симолину. Держать сей предмет при себе всегда и при любых обстоятельствах. Иван Матвеевич в текущий момент ведет сложные переговоры с Францией о торговом договоре. Здесь инструкции государыни на этот счёт. Попасть не в те руки никак нельзя. Под медной оболочкой - свинцовая гильза. Там свёрток из тонкой бумаги. Послание зашифровано. Уничтожить просто: брось в огонь, свинец расплавится, Papier сгорит. Гильза запаяна.

- Вода бумаге не страшна, - «измайловец» понимающе дважды кивнул.

- Подумайте, где будете хранить. Разумнее в белье.

- Хорошо.

Статс-секретарь, жестом отправив Евграфа на прежнее место, принялся прогуливаться по кабинету:

- Завтра к 10 часам утра приготовьте и привезите личные вещи, какие возьмёте в дорогу.

Заметив удивление в глазах господина сержанта, пояснил:

- Уложим в ящиках вперемежку с тем, что повезете в Париж. Так будет достовернее.

- Господин граф, я еду под своим именем?

- Нет. Завтра же получите документы на имя прапорщика Измайловского полка в отставке. Мундир брать с собой не след. Только цивильное. А вот оружия сколько угодно. В Европе нынче неспокойно. Полагаю, пары-тройки пистолетов и шпаги будет достаточно. Впрочем, сие на ваше усмотрение. Сегодня, пожалуй, всё. Жду завтра.

Ночной морозец превратил липкую грязь в подобие затвердевшей глины, по которой за колёсами перекладной повозки тянулся двойной след. Донские лошадки бодро шагали без понуканий. Возница – подросток, одетый, что заправский ямщик, пытался говорить уверенным басом, но получалось, как мысленно отметил Евграф, «никудышно». Киев давно пропал за густым лесом, сквозь который пролегала дорога. Евграф, полулежал на укрытом широким холстом сене, в мыслях возвращаясь к последнему разговору с Безбородко. Граф, вызвав камердинера, распорядился о том, чтобы «вещи господина сержанта» уложили в ящики «вперемежку с казёнными». После, оставшись тет-а-тет, дал несколько дельных советов, с кем и как заводить нужные «знакомства».

- Вы поедете через многие государства. Европа стоит на пороге большой войны, - Александр Андреевич, хотя и курил давешнюю трубку и в кабинете воздух имел фиолетовый оттенок, но окно не открывал. – В первую очередь меня интересует армия Пруссии. Жалование их офицеров оставляет желать лучшего, и сей факт даёт возможность за небольшие деньги завести перспективные контакты. Но, будьте осторожны! Старайтесь представить дело так, что Россия ищет в лице армии прусского короля союзника. Особо стерегитесь англичан! Они вновь подталкивают османов на войну с нами. Агенты бриттов активизировались в Польше, Schlesien, Саксонии. Вряд ли встретиться галантный джентльмен с Островов, а вот наёмник, который не остановится перед убийством...

- Правильно ли я, господин граф, понял, что и нам можно использовать методы англичан?

- В тайной дипломатии, а разведка часть её, важен результат, но…! – статс-секретарь поднял указательный палец вверх. – Попадаться не след. Тогда, какая же это тайна, господин лейб-гвардии Измайловского полка сержант?

Кибитку тряхануло так крепко, что дремавший Евграф едва не оказался на земле. Вокруг частоколом чернел лес, а на небосклоне желтел тонкий кончик старой луны. Спина возницы, выгнутая коромыслом, пятном маячила в сумраке. Прислушавшись, Комаровский понял, что глухие звуки издают не лошади, тянущие повозку, а ямщик. Попытка разобрать их оказалась без результата. Он, подавив зевок, произнёс бодрым голосом:

- Что, дружок, далеко ль до станции?

- Недалече, барин, - не оборачиваясь и спустя паузу, ответил юный возница. – Версты четыре.

- Хм, как-то неуверенно хлопец гутарит, - не вслух отметил господин сержант и, сев, вытянул ноги. Под колёсами мерзко хлюпало, что для марта в здешних краях было делом обычным. От земли шёл грибной запах.

- Может, фонарь зажечь? - Евграф, бросив взгляд по сторонам, убедился, что ночь стремительно заливала округу.

- Фонарь? Не, хуже стан..., - тусклым голосом начал ямщик, как вдруг вблизи раздался истошный вопль. Возница невольно натянул вожжи, и лошади встали. Казалось, вопило всё

кругом: то тонко, точно младенец, то низко, словно горная река в ущелье. Цепенея, Комаровский и не чувствовал взмокшую рубаху под кафтаном и ледяной пот бисером на лбу.

- Черти на болоте гогочут, - мёртвым голосом просипел ямщик, втянув голову в воротник так, что та пропала из вида.

Вакханалия сгинула вдруг, будто и не было. «Измайловец» процедил, приоткрыв губы:

- Черти тут не причём. Выпь охальничает. Птица такая. Знаешь?

- Барин, я тутошней дорогой еду впервой. Не видал этих выпей отродясь, - не сразу откликнулся возница, привстав с облучка. - Ох, пропадём!

- Господь не выдаст - свинья не съест, - сказал треснутым голосом Евграф. Поняв, что тем самым только больше испугал, тут же добавил увереннее. - Поехали, братец, что стоят?

- Но! - юнец дёрнул вожжи, но лошади даже не шевельнулись. После нескольких попыток тот тоскливо обронил:

- Не идут, проклятые! Завязли, почитай, по брюхо.

Они с четверть часа пытались сдвинуть лошадей с места: ямщик тянул за уздцы, а сержант пихал повозку.

- Толку не будет! - в сердцах плюнув себе под ноги, крикнул лейб-гвардеец. - Только извозились почём зря. Распрягай правую пристяжную. Поеду за подмогой.

Достав из небольшого сундучка где хранились документы и ценности, он зарядил оба пистолета.

- Стрелять умеешь? - положил оружие на облучок. Юнец замотал головой:

- Барин, лучше оставьте саблю.

- Оставлю. И пистолеты тоже. Тут всё просто, гляди...

Ехать верхом без седла - штука куда как непростая. Прижавшись к самой голове лошади, он пытался во тьме разглядеть признаки дороги.

- Господи, спаси и сохрани! Не дай коню оступиться, - бубнил Комаровский, то и дело уклоняясь от наскакивающих ветвей ельника. Те порой норовили исподтишка скинуть на землю.

Луна наконец-то выкатилась из-за чернильных туч, умудрившись отыскать прогалину. Разом яркий свет широкой полосой упал на лесную дорогу.

- Господь услышал меня! - возликовал «измайловец» и добавил шенкеля. Лошадь послушно перешла с укорочённой на полевую рысь. Несколько минут, и за очередным поворотом показался большак. Копыта весело стучали по твёрдой дороге, но Евграф вслух отогнал мысль перейти на галоп:

- Коняжка моя крепко подустала, да и без седла, знаете ли... О! Никак почтовая станция впереди. Слава тебе, Господи!

А через каких-то полчаса Комаровский уже отправился в обратную дорогу на поиски.

- Потише, братец! - Он скомандовал ямщику, когда местность показалась знакомой. Вытянув шею, принялся искал свёрток на лесную дорогу.

- Воистину, ночью все кошки серы, - удручённо вздохнул наш «измайловец», спрыгнув с повозки и пройдя вперёд сотню шагов. Справа глухой стеной стоял лес без малейшего признака просеки.

- Господин хороший! - подкатила отставшая повозка, и возница натянул вожжи. - Давайте покличим вашего проводника. Имя знаете?

- Знаю. Микола.

Следующий час они медленно ехали большаком и то вразнобой, то в один голос изо всех сил кричали имя незадачливого возницы.

- Барин! - с облучка хрипло взмолился ямщик. - Сил больше нет. Треба назад, на станцию. Ночью отыскать невозможно. Утром смотритель даст помощников, и мы найдём эту чёртову повозку.

Евграфа охватило отчаяние. В голове рисовались картины, как станет докладывать Александру Андреевичу о потере драгоценных вещей на несколько сот тысяч рублей. Он и не заметил, что бормочет, уныло склонив голову:

- Граф презрительно скривит губы: - Что же ты, господин гвардейский сержант? Первое поручение и сплоховал. Измайловский полк опозорил! Что полк, Отечество! Буду докладывать государыне.

- Господин статс-секретарь! Меня на каторгу или...?

- Ваше благородие! - С небес на землю его вернул голос ямщика. Тот с кнутом подмышкой стоял перед ним. - Не горюйте так. Утро вечера... С рассвета станем искать. Мы здешние, всю округу обойдём. Найдём!

- С рассвета?! - надежда засветилась в глазах Комаровского. - Поехали быстрей на станцию.

Как известно, и конь домой бежит быстрее. Сержант уселся рядом с возницей на облучок и, мысленно моля луну не прятаться за тучи, бросал взгляд то на лес, то на обочину большака. Ночная красавица не подводила - исправно освещая округу.

- Стой! - вдруг крикнул он и хлопнул ямщика по колену. - Глянь, дорожка в лес уходит.

- Тпру, - тот не резко потянул поводья. - Где? А эта. Дак цэ тропка в самое болото ведёт. Топь ужасная.

- Болото?! Повозка в болоте и застряла. Может быть, там мы и увязли, - Комаровский, миновав приступку, спрыгнул на землю. - Дай-ка фонарь.

Пройдя обочиной саженей пять, радостно крикнул:

- Вот следы копыт. Ещё не высохли.

Присев, он держал в левой руке фонарь на отлёте:

- Сворачивай, поехали!

Там, где всадник проскакал без особого труда, повозка буквально ползла. Колеса то подскакивали на корнях деревьев, что змеюками окаменели вдоль и поперек, то между спиц заскакивали ветви, а один раз упёрлись в пень такой большой, что пришлось лошадям пятиться. В воздухе висел дух гнили, тлена, указывающий на близость болота. Тихоходность нервировала «измайловца»: он часто соскакивал с повозки и, обогнав лошадей, шагал впереди, фонарём освещая путь, то принимался выкрикивать имя юного возницы. Ямщик, наблюдая с облучков, только вздыхал и сокрушенно крутил головой.

- Постой, ваше благородие! - он, не выпуская вожжи, встал в полный рост. - Отзывается кто-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.